

□

Пытливая человеческая мысль, вооружённая уникальными техническими средствами и технологиями, стремится вперёд и вперёд, тогда как сам человек в его биологических и психологических константах в абсолютном большинстве случаев оказывается совершенно не подготовленным к безопасному для себя и природы овладению открывающимися перед ним возможностями.

Пытливая человеческая мысль, вооружённая уникальными техническими средствами и технологиями, стремится вперёд и вперёд, тогда как сам человек в его биологических и психологических константах в абсолютном большинстве случаев оказывается совершенно не подготовленным к безопасному для себя и природы овладению открывающимися перед ним возможностями. Причём если этот постулат не вызывает сомнения относительно фаустовских, точнее, постфаустовских, «консьюмерных», сообществ, то ещё более острая ситуация складывается в менее развитых областях информационно ориентирующейся ойкумены. Доказательство тому – невиданные масштабы сознательных деструкций международного уровня, в том числе, в частности, чётко спланированные террористические атаки, ведущие к многочисленным жертвам среди мирного населения, которым подвергаются целые страны. Все они имеют целью глобальную дестабилизацию общественной ситуации, поддерживают атмосферу страха и неуверенности, в которой привыкло жить человечество и которая с применением уникальных средств накаляется до предела.

Так что дилемма «индивидуум – информационно-технический потенциал общества» с необходимостью выходит на первый план и требует не просто самого пристального внимания, но качественно новых подходов её разрешения. Особое внимание следует, естественно, уделить как раз первому элементу дилеммы – индивидууму, в роли которого обобщённо выступает у нас "человек постиндустриальный", постфаустовский "консьюмер": именно его энергия и активность определяют состояние всех многочисленных и разнообразных социумных связей.

Специалистами давно замечены человеческие диспропорции консьюмерного модуса. Их исследованию посвящено немало времени. Постоянно подчёркивается мысль о важности такого рода работы, пусть даже и самой отвлечённой, поскольку в противном случае человечеству может запросто не хватить компетентности (от себя можно добавить ещё и фантазию!) для обыкновенного выживания – ввиду крайней забюрократизированности и окостенения консьюмерной социумной структуры. Весьма эмоционально высказался по этому поводу американский литератор и публицист Рэймонд Халл: «Я заметил, что, за немногими исключениями, люди вершат свои дела через пень-колоду. Куда ни гляну – буйствует некомпетентность; куда ни обернусь – некомпетентность торжествует» [1].

Некомпетентность опосредует нежелание большинства людей увязать в проблемах, которые заведомо не предполагают однозначных решений, – а таковых с развитием информационной инфраструктуры становится всё больше и больше. И тогда вполне оправданно ставить вопрос о несоответствии консьюмерного человеческого типа утверждающимся информационному контингенту и информационной ментальности.

Одна из основных сложностей состоит в том, что комплекс современных наук, изучающих человека, оказался не подготовленным в должной степени адекватно отреагировать на складывающуюся ситуацию. Так, Абрахам Маслоу, который весьма скептически относился к возможностям ныне доминирующих научных принципов исследования человеческой природы, задавался справедливым вопросом: «Не пора ли нам, учёным, действительно посмотреть на человека, как на существо, обладающее ″врождённой мудростью″? Только если мы поверим в автономность человека, в его способность к самоуправлению и выбору, мы, учёные, не говоря уже о врачах, учителях и родителях, сможем стать более даоистичными... Быть даоистичным – значит познавать человека, но не поучать его. Это –

невмешательство, отказ от управления. Даоистичная позиция – это прежде всего наблюдение, не манипуляция и не управление, она скорее пассивно-рецептивна, нежели активно наступательна» [2].

В приведенной цитате прежде всего обращает на себя внимание принципиальное изменение познавательного подхода к исследованию такой сложнейшей и тонкой структуры, какой является человек. Каждый из нас, людей, представляет собой уникальный феномен, достойный отдельного пристального изучения. Методы традиционной эмпирической науки, на основании которых велось и ведётся раскодирование секретов природы, к сожалению, малопригодны для учёта даже основных значимых человеческих факторов. В конце концов, прагматичный Запад вынужден был обратиться к опыту казалась бы оставшегося далеко позади Востока и признать: «...классическая философия науки как морально-нейтральной, безоценочной системы знаний не только неверна, но и чрезвычайно опасна. Она не просто аморальна, она антиморальна... Наука должна стать этическим кодексом» [3].

Именно отсюда – рост интереса на протяжении XX века к восточным религиозно-этическим учениям, особенно к даосизму [4]. Одним из удивительнейших интеллектуальных прорывов, разработанных в рамках даосизма, стало постулирование универсальной целостности жизни, присутствующей повсеместно, не доступной человеческому уму и не выразимой языком. Тем самым, во-первых, человек и природа не противопоставлялись друг другу, но выступали в неразрывном единстве, предполагавшем взаимозависимость и, соответственно, взаимную ответственность друг перед другом – именно как самодостаточные величины природно-социумного континуума. Во-вторых, был продекларирован принцип бережного, щадящего, этического существования в границах этого континуума указанных самодостаточностей.

В современных терминах ситуация, очевидно, определяется так: самодостаточность человека, как субъекта природы, опосредуется самодостаточностью последней; разрыв с природой – неэтическое отношение к ней, аморализация социума – неминуемо ведут к утрате личностной самодостаточности и разрушению гармонизирующих начал.

В своё время фаустовский мир пошёл путём силового овладения природой, т.е. нарушил зыбкое равновесие и без того далёкой от стабильности системы. Интуитивно осознававшаяся опасность крайнего утилитаризма денежного мышления, вновь и вновь открывавшиеся негативы инспирированной им активной научно-технической революции воспринимались изначально как необходимое и оправданное зло: природа сознательно приносилась в жертву улучшению условий жизни индивидуума и далее, следуя логике расширения, всего человечества.

Вроде бы благородная цель эта на деле обернулась ядерными кошмарами и тупиковыми социальными конфронтациями индустриальной и постиндустриальной эпох. Рядовой человек, ради которого якобы всё и затевалось, превратился в весьма и весьма уязвимую мишень как для государства, так и для природы. Воспитанный немислимыми соблазнами и ухищрениями попкульты, недалёкий и узкопрагматичный консьюмер утратил остроту восприятия жизни, ценностную ориентацию в социумном пространстве, обретя качество легковозбудимого и легкопрограммируемого объекта политических, экономических, психологических и духовных манипуляций. Дабы не утруждать читателя излишними умствованиями по вполне известной проблематике, просто приведу некоторые любопытные статистические факты, взятые навскидку из книги Джона де Граафа, Дэвида Ванна и Томаса Х. Нейлора и раскрывающие сущность наиболее «передового» американского консьюмеризма [5].

Итак, согласно статистическим опросам 1998 – 2001 гг. 34% населения США своим любимым занятием признали покупку новых вещей. Особенно ошеломляет цифра приверженных такому времяпрепровождению девочек-подростков: 93%! Трёхкратный рост «потреблятской» психологии в ювенальной среде проясняет следующий статистический расклад: в 2000 г. средний американец 6 часов в неделю проводил в магазине, тогда как на игры с собственными детьми за те же 7 календарных дней он позволял себе «урвать»... 40 минут – или 2/3 часа! Вот и попробуй доказать после этого, что пример родителей никоим образом не заразителен... Стоит ли удивляться абсолютной победе dress-reaction,

окончательно и бесповоротно овладевшей массовым сознанием, если учесть то обстоятельство, что \$80 млрд. в год американцы тратили на обувь, бельё, драгоценности и т.п., уделяя высшему образованию лишь \$65 млрд.?

Разумеется, богатая нация может позволить себе любые причуды, тем более, что в среде старшего поколения там достаточно людей здравомыслящих, способных оценить меру новой неожиданной напасти и предупредить о ней общество. Но много ли из тех, кто идёт на смену, услышат их предостережения и, главное, захотят и смогут обуздать вырвавшийся из повиновения потребительский инстинкт? Пока что, во всяком случае, динамика поражения человеческого сознания эпидемией (именно этот американизм переводчики обозначили русским аналогом «потреблятьство») имеет тенденцию к резкому росту.

Механизм развития и распространения аффлюэнзы кардинально не менялся на протяжении целых десятилетий. Преобладала голая целесообразность: потреблятьство обеспечивало стабильность роста экономических показателей, которые стали воистину самодостаточными и подчинили себе судьбы и жизни рядовых американцев – совсем так же, как когда-то фаустовский человек очутился в рабстве у машины. В бесплодной борьбе за химеру показного благополучия консьюмер превратился в безвольный и безропотный флюгер, раболепно следующий за иллюзией. Появился и специфический термин – «терапия шопинга» – подчёркивающий якобы оздоровительную функцию искусственно сформированного феномена. На наш взгляд, в данном конкретном случае с полным основанием следовало бы отказаться от медицинского камуфляжа жёсткой констатацией: не о терапии, а о неприкрытой тирании прилавка, аффлюэнзы идёт речь. В отличие от начала XX века, когда самоучители по бизнесу предлагали продавать не товар, а надежду (всё-таки чисто человеческое чувство!), сегодня последнюю без сожаления свергли с пьедестала, дабы утвердить безликий потребительский статус, обретший императивную формулу: «выглядеть не хуже других». Таким образом, сатирический фроммовский римейк образца 1976 г. «Иметь или быть?» однозначно разрешён в пользу «иметь».

Язвы аффлюэнзы, естественно, стали предметом пристального внимания многих учёных, прежде всего, конечно, психологов и социологов. В фокусе их исследований оказалось само гражданское общество, теоретические и практические параметры которого тщательно разработали Аристотель, Н. Макиавелли, Ж. Руссо, Г. Гегель, Ш. Л. Монтескье, Дж. Локк, Т. Гоббс, И. Кант и другие. Основная часть трактатов по данной тематике относится к фаустовским временам, когда капиталистическая парадигма потребовала существенного и сущностного изменения всей надстройки, дабы привести её в соответствие с новой экономической моделью социума. В основном подчёркивалось то обстоятельство, что гражданское общество находится вне государства и оппозиционно ему во всем. В указанном противопоставлении и в том, как власть умеет находить возможности нейтрализовать противоречия, в частности, усматривался резерв для свободного развития личности.

Мысль современных исследователей пытается разрешить очевидный парадокс: а почему, собственно, естественно противопоставление общества и государства? Личности и государства? Личности и общества? Не пора ли кардинально пересмотреть утвердившуюся формулу? Если да, то каким должен быть принцип новой типологии?

Раньше изучение всегда велось от государства и общества к человеку. Именно эту направленность и взялись критически переосмыслить те, кто считает историческую перспективу гражданского общества исчерпанной. «В целом, я полагаю, будет справедливо сказать, что история человечества – это череда того, как общество ни во что не ставит отдельного человека, – отмечал А. Маслоу. – Высочайшие порывы человеческой души практически всегда недооценивались. И даже когда «хорошие люди» – святые, мудрецы, великие деятели эпохи – обращали на себя внимание философов и учёных, то последние редко удерживались от искушения объяснить их духовное превосходство присутствием божественного начала» [6].

Вот ключевые термины – «хорошие люди», «хороший человек». Не идеальный, а просто хороший... Не научно? В смысле традиционной науки с её более чем сомнительной точности и чёткости терминологической базой? – Ну и пусть! Зато строго по существу! Ведь сегодня

практически все мы непробиваемо уверены, что идеальных людей не существует. И точно так же мы уверены, что абсолютное большинство людей – хорошие. В чём же дело? Пусть качество и станет основой типологии, тем более что почти все пусть хотя бы и смутно, но представляют себе содержательный смысл обиходного слова «хороший». И задача учёных упрощается до смешного: смутные представления большинства свести к некоторой общей базе. Это куда легче, чем оперировать, к примеру, не менее невыразительной связкой «дикарь – цивилизованный человек»: ну какой же дикарь тот, кто живёт в ином ментально-культурном пространстве, которое, возможно, насыщенно не известными ныне доминирующей цивилизации смыслами? При подобном основании дифференциации и среди цивилизованных народов отыщется немало воистину дикарских!

Что нам даст предложенное упрощение? Да ничего, в принципе, кроме дальнейшего упрощения! Но теперь уже в пространстве социумного интеграла: от гражданского общества, постиндустриального общества, масскультурного общества можно совершить переход к качественно большей определённости: «...полагаю, нормативная философия биологии должна принять на вооружение теорию хорошего общества, основой которой могло бы стать следующее определение: Хорошее общество – это общество, которое благоприятствует наиболее полному развитию и раскрытию человеческих возможностей.» [7]

Как легко увидеть из вышеприведенного определения А. Маслоу, хорошее общество должно заняться в первую голову воспитанием нового человека – хорошего человека, который совсем не обязательно будет носителем исключительно политических ценностей. Более того, политические ценности неизбежно отойдут на второй, третий, десятый план хорошего общества, учитывая его информационно-информациологическую доминанту развития. О том же самом, но в ином преломлении пишет, например, И. Юзвшин: «Очевидным и бесспорным является тот факт, что гуманитарно-культурологическая сфера (гуманосфера) является собирательной, объединяет и отражает все стороны человеческого бытия, включая экономику, науку, политику, историю, образование, технику, культуру, религию, право, страноведение, обществоведение, спорт и т.д.

Информатизация гуманитарно-культурологической сферы человеческой деятельности, безусловно, повысит социальный потенциал в целом, поднимет уровень развития общества, увеличит степень обеспеченности информационно-информациологическими ресурсами, повысит культуру и уровень материального и духовного развития мирового сообщества, настоящей и будущей информационно-космической цивилизации» [8].

Государство в такой системе по необходимости займёт подчинённое положение. Его главная задача сведётся к формированию и регулированию законодательных, политических, экономических и духовно-ментальных механизмов и принципов утверждения и надёжного функционирования хорошего общества информационного типа. То есть не отношения угнетения, а отношения оценочности должны возобладать в социуме. Вот тогда-то человеческий фактор действительно сделается доминирующим – в смысле формирования социумного модуса, который соответствующим образом переориентируется по векторной связке «хороший человек»; хорошее общество»; хорошее государство» с последующим расширением «информационный человек»; информационное общество»; информационное государство». С этой переориентации и начнётся кропотливое возведение каркаса хорошего информационного социума.

Человеческий материал, который мы имеем сегодня, весьма остроумно и иронично характеризует в предисловии к своему бестселлеру известнейший американский психолог Эверетт Шостром: «Несколько лет назад мне в руки попала книга под названием "Корова не может жить в Лос-Анджелесе". Речь в ней шла о мексиканце, который обучал своих родственников приемам жизни в Америке. "Смотрите - говорил он, - американцы - прекраснейшие люди, но есть один момент, который их очень задевает. Вы не должны говорить им, что они трупы".

Я не просто согласен с этим мексиканцем. Я считаю, что это предельно точное описание "болезни" современного человека. Наш человек - мертв; он кукла, и его поведение действительно очень похоже на поведение трупа, который "позволяет" окружающим делать с

собой все, что угодно, хотя и сам, одним своим присутствием, воздействует на них определенным образом.

Современный человек нарочит и преднамерен, и у него большие трудности с эмоциями. Он надежен в работе, но лишен живых желаний, хотений, стремлений. Его жизнь чрезвычайно скучна, пуста и бессмысленна. Он занят тем, что управляет и манипулирует окружающими, и вместе с тем надежно пойман в сети своих и чужих манипуляций» [9].

Наверное, нет смысла уточнять, что всё вышесказанное в полной мере относится не только к американцам, но и к остальным членам консьюмерного сообщества. В то же самое время информационный мир – как мы его себе в общих чертах представляем – быстротекущий и чутко реагирующий на тонкие, едва уловимые колебания. Фаустовский, постфаустовский человек и ещё в большей мере консьюмер – рабы механизмов и вещей, воспринимающие лишь объёмы, груды, массы, т.е. громоздкие сомножества. Им трудно себе даже вообразить многополюсную и не обязательно каузально-следственную сеть разнообразных отношений и взаимоотношений, соединяющую всё сущее во Вселенной. Их горизонты заземлены, их уздечки слишком крепки, их тормоза чересчур надёжны. Тогда как уже вчера в массовом порядке требовалось качественно иное видение и чувствование. «Мне кажется, мы переживаем сейчас совершенно особый исторический момент, не похожий ни на что, что было до сих пор, – писал А. Маслоу. – Сама жизнь ускорила как никогда. Вспомните, к примеру, об огромном ускорении, которого добились за последние годы наука, техника и технологический прогресс. Мне очевидно, что это требует изменения отношения к человеку и к миру, его окружающему. Говоря прямо, назрела необходимость в ином типе человека. Я чувствую, что настала пора гораздо более серьёзно, чем двадцать лет назад, отнестись к гераклитовскому, или бергсоновскому, или уайтхэдовскому взгляду, воспринимающему мир как поток, как движение, как процесс, но никак не в виде набора предметов, существующих вне времени» [10].

Таким образом, доминирующий ныне человеческий тип выступает анахронизмом по отношению к актуализированной им стихии. Но теперь уже сама эта стихия по необходимости требует актуализации иной био-психической личностно-индивидуальной конституции – сложно сочинённой, динамичной и божественно креативной: «Мы должны стремиться стать другими – людьми, которым ни к чему делать мир статичным и стабильным, замораживать его, людьми, которые не видят необходимости делать то, что делали их отцы и деды, людьми, которые с уверенностью смотрят в неведомый завтрашний день, людьми, настолько уверенными в своих силах, чтобы с воодушевлением смотреть в лицо грядущим переменам и жить, импровизируя и приспособляясь к ним. Это и есть новый тип человека. Гераклитовский тип, если хотите. Общество, взрастившее таких людей, сможет выжить; общество, которое не сможет вырастить такого человека, обречено» [11].

Нельзя не уточнить: обречено – поскольку вещная стихия, диктат аффлюэнзы убивают творческую, живую, преобразующую и способную к самопреобразованию и самоактуализации информационно насыщенную материю качественно новой реальности, входящей в тесное соприкосновение с ирреальностью. И потому как нельзя более мощно звучит гениальное пророчество античности: движение – это жизнь; любая остановка или даже просто торможение – смерти подобны.

Вышеприведенные соображения позволяют нам чётко обозначить имиджевую границу между консьюмером и новым человеческим типом – гераклитовским, информационным. Несколько утрируя для образной наглядности ситуацию, можно нарисовать такую картинку: шикарный гроб с плюмажем, установленный на лафете и покрытый каким-нибудь полотнищем, который обдувает солнечный ветер.

Да, период аффлюэнзы не может продолжаться долго. Именно её гроб должен быть сметён ураганом наступившей информационной эры. Любой другой путь катастрофичен, поскольку стимулирует агонию потребительства. Последнее, в свою очередь, никогда не позволит утвердиться гераклитовской информационной ментальности, провоцируя ментальный тупик развития земного сообщества. Потому-то и быют тревогу наиболее дальновидные представители учёного сословия, творческой интеллигенции и интеллектуальной элиты. И

коль скоро симптомы опасной болезни, подстерегающей человечество, худо-бедно прояснены, самое время приступить к поиску средств оздоровления, к которым относятся, пользуясь медицинской терминологией, определение цели терапии, методики лечебного процесса и лекарственных препаратов.

Ну, с целью всё уже вполне понятно: из барахолки консьюмерного социума должно возникнуть хорошее общество, в дальнейшем постепенно эволюционирующее в информационное. Субъектом последнего естественно конституировать информационную личность, предтечей которой выступит хороший человек, призванный сменить в не столь отдалённой исторической перспективе консьюмерный человеческий анахронизм современности.

Относительно «лекарственных препаратов» тоже, вроде бы, никаких сомнений: сама природа развитой демократии предполагает лишь воспитание (кардинально переосмысленное) и убеждение, грамотную пропагандистско-пиаровскую политику, в которой должны быть задействованы все коммуникационные возможности человечества.

Самый острый вопрос – методика процесса. Выше уже говорилось о необходимости внутрисоциумной переориентации и смещения приоритетов в цепочке индивид → общество → государство. Очевидно, потребуются системный анализ всех региональных и цивилизационных горизонтов в областях политики, экономики, техники, образования, в социальной и духовно-нравственной сферах. Серьезное влияние на каждый последующий шаг будут оказывать ментально-культурные уровни народов, их исторические традиции и обычаи, характер религиозных мировоззрений, национальные особенности, посредующие весь спектр социально-психологических параметров человеческой личности.

Универсальную методику какого-либо социумно-социального процесса, феномена, явления, пригодную для всех случаев жизни, для каждого народа и любого человека, никто пока никогда не создавал. Подобная попытка выглядит тем более утопичной с учётом сущности и логики позитивизации социумного поля (конструирование хорошего общества) и дальнейшей информационно-информациологической трансформации. Но некоторые базовые принципы грядущей грандиозной перестройки, безусловно, должны быть прописаны и обоснованы.

Весьма ценные объединительные элементы такого рода содержатся в наработках гуманистической психологии, оплодотворённых даоистическим пониманием сущностно-бытийной основы. Предметом своего изучения она как раз объявила высшие проявления целостного человека, в числе которых – метаценности и метасмыслы, любовь, свобода, автономия индивида и креативный подход к миру, посредующие развитие и самоактуализацию личности. Прокларированные цели развития – психическое оздоровление (индивидуальное и общественное), углубление межличностного общения и укрепление доверия друг к другу, познание и использование трансцендентных свойств мира и аналогичных качеств личности и проч. Следует особо выделить неуклонное внимание к практической реализации многочисленных теоретико-аналитических штудий, проявившееся, в частности, в разработке оригинальной концепции гуманистической педагогики, а также универсальных программ по социально-психологическому тренингу. Тем самым формируется специфическая социальная платформа гуманистической психологии, в основу которой положена идея А. Маслоу об улучшении общества через усовершенствование индивидуумов и межличностных отношений. Отличие от предшественников-утопистов в том и состоит, что новый человеческий тип воспитывается на базе существующего ныне, а не выступает некой сошедшей с небес данностью, иллюзией, идеалом, к которому следует стремиться.

Разумеется, критики с большим удовольствием твердят о недостижимости заявленного результата – мол, ни хорошего общества, ни хорошего человека предложенной методой не создать. Потому что кропотливая воспитательная работа требует огромных затрат времени и усилий, скоординированной, упорной и заинтересованной совместной деятельности многих государственных и общественных институтов. Её никак не спланируешь по конкретно утверждённым срокам – например, не выдашь «на гора» к очередному Дню независимости первую партию опытных экземпляров хороших людей... Но ведь критиковать всегда легче! Всегда комфортнее быть пессимистом: придумывать ничего не надо, никаких мучений и

интеллектуальных напряжений – знай себе разрушай!

Тем не менее, мир, развитие социума всегда держались на оптимистах и творцах. Именно ими инициировались безумные на первый обывательский взгляд проекты, реализация которых позволяла человечеству покорять всё новые и новые вершины Знания и Жизни. И лишь потом общественное мнение признавало оправданность нестандартных подходов и методов. На самом деле последние и есть креатив – творческое отношение личности к любой проблеме – будь то улучшение формы башмаков или выяснение природы солнечных пятен. Когда-то фаустовский мир, консьюмерный мир, подводные и космические путешествия тоже казались утопиями, но ведь они реализовались! Принципиально важно научиться смело пересекать границы между реальностью и несбыточной мечтой, принципиально важно усвоить: любая гуманистически оправданная человеческая утопия – есть горизонт перспективного движения, физическая линия которого обязательно достижима, а иллюзия тем временем отодвигается всё дальше и дальше, не позволяя прекратить движение. И в этом смысле – да здравствует утопия!

Гуманистическая психология отказалась от вечно принципа оптимизации социумно-личностной сферы, отвергла дискретность устоявшихся исследовательских шаблонов, предложив взамен комплексное воздействие на ментальную область и доказав – пусть в малом – практическую эффективность своего подхода. Почему бы и не продолжить эксперимент, тем более что других средств борьбы с аффлюэнзой пока просто не придумано? Вдруг и эта утопия непостижимым образом реализуется сознательными стараниями многих? По крайней мере, информациология подобный сценарий оправдывает однозначно: «Мысли представляют огромную силу. Они из дематериализованной, идеальной формы информации могут превращаться в материальные вещи, предметы, сооружения и т.д. Постоянно генерируемые мысли в одном и том же направлении, с одной и той же целью (точно многократные капли воды точат камень) могут распространяться на большие расстояния и в самые глубокие участки информационных полей людей и животных. Мысли (как в теории автоматического регулирования) влияют с отрицательной или положительной обратной связью и на самих тех, кто их излучает. Мысли преобразуют людей. И люди сами себя творят» [12].

Мысли, идеи, идеалы, мечты, образы и даже иллюзии наши содержат уникальный преобразовательный потенциал, природу которого мы пока просто не понимаем и на этом убогом основании самонадеянно отвергаем его наличие, несмотря на многочисленные свидетельства результативности ментальных воздействий. То есть, по сути, мы невольно лишаем информационный мир немаловажной содержательной составляющей. Объяснить это можно только преобладанием пока ещё консьюмерного стиля мышления и бытия. Но пробил час информационной реформации, которую уже никому не остановить. Человеку придётся соответствовать новым реалиям, и важно, чтобы это соответствие было позитивным, т.к. буквально от каждого зависит суммарная позитивизация общесоциумного информационного поля: «В соответствии с законом информационно-генной симметризации мысли каждого человека притягивают себе подобные. Прекрасные мысли одного человека синфазизируются и интерферируются с такими же мыслями другого человека. Плохие мысли притягиваются к плохим, средние – к средним и т.д. Одним словом, информационно-мысленные волны одного человека обладают удивительным свойством притягивать (принимать) к себе при соответствующих условиях другие подобные информационно-мысленные волны другого человека (примерно) одинаковых длин, частот и кодов» [13].

Условно (а может и безусловно!) говоря, вокруг нас постоянно ведётся имиджевая настройка, кодирование и декодирование индивидуальных и социумных информационных плоскостей. Здоровый психологический и информационный фон – гарантия продуктивного развития. Вексель информационной эры авансом выписан на имя человечества. И мы получим в результате ту реальность, которую сами себе обеспечим общими и индивидуальными достижениями, равно как и поражениями, ибо всё в нас самих и вокруг нас взаимосвязано и взаимообусловлено. Таков главный закон модусной информационной перестройки, которая может стать величайшим благом, а может обратить всё сущее в пепел. Образно вопрос звучит

так: крематорий или Вселенная – чего же мы достойны более?

Каким же мыслится наш хороший человек? Очевидно, он должен обладать следующими основными имиджевыми характеристиками:

-сбалансированным биопсихическим и физическим комплексом, обеспечивающим адекватность поведенческих реакций не только в границах чувственного мира, но и в виртуально-информационном пространстве, освоение которого уже началось и, несомненно, будет только расширяться с течением времени;

-высокой степенью сознательности в межличностных и разнообразных социумных контактах (реальных и информационно-виртуальных), основанной не на отношениях соперничества-потребления (как это имеет место сейчас), а на принципах дружественной состязательности и уважительности в целях достижения максимально продуктивной эффективности всех и каждого;

-автономностью в социальном континууме, ограничиваемой строго фиксируемым спектром морально-нравственных детерминант, известный список которых пополнится за счёт разработки основ нравственного поведения в области тонких энергий микро- и макромиров;

-интеллектуальной и духовной свободой, нацеленностью на постоянный поиск нестандартных решений задач, выдвигаемых стремительно усложняющейся жизнью информационного социума;

-доминирующим креативным подходом к содержательному контексту любой преобразовательной деятельности, направленной, естественно, на позитивизацию основ существования информационного социума;

-даоистической целостностью восприятия себя в интеграле мира и интеграла мира в себе, обеспечивающей неконфликтность стереомышления, стереоосозания и стереовидения всей гаммы жизненных проявлений и направляющей на устранение любых имеющихся и возникающих диспропорций и дисгармоний;

-бесстрашной верой в будущее информационного мира, посредующей оптимистический настрой относительно обязательной оценки собственной и социумной перспективы.

Вот, если коротко, программный минимум ядерного потенциала хорошего (или гераклитовского) человека. Человек этот не появится сам собой из ниоткуда. Его не выведешь в пробирке и не проклонируешь с помощью даже самых изощрённых биотехнологий. Он должен актуализироваться самостоятельно, сбросить панцирь аффлюэнзы и смело шагнуть в шторм и шторма информационной стихии.

Фаустовский человек когда-то ставил перед собой целью покорение пространств родной планеты. Гераклитовскому откроется Вселенная, которую ему нет нужды покорять, но утвердиться в которой он обязан.

[Статья опубликована на сайте ИАА "Мик"](#)
7 октября 2004 г.

[1] Питер Лоуренс Дж. Принцип Питера, или почему дела идут вкривь и вкось. Предисловие Р.

Халла, С. 49. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

[2] Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики: Перев. с англ. А.М. Татлыбаевой. Научн. ред., вступ. статья и коммент. Н.Н. Акулиной. – С.Пб.: Евразия, 2002. С. 28.

[3] Там же. С. 33-34

[4] Одно из главных направлений древней китайской философии, постулирующее поиск вечного счастья, достигаемого в результате сознательного культивирования в себе десяти добродетелей, среди которых сыновний долг, терпение, самопожертвование и т.п.

[5] Дж. де Грааф, Д.Ванн, Т.Х.Нейлор. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. – М.: Ультра. Культура, 2003.

[6] Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. С.21.

[7] Маслоу А.Г. Указ. соч. С. 21.

[8] Юзвишин И.И. Указ. соч. С. 341 – 342.

[9] Думай и богатей / Н. Хилл. Анти-Карнеги / Э. Шостром. – Минск: Парадокс, 1995.

[10] Маслоу А.Г. Указ. соч. С. 70.

[11] Там же. С. 70 – 71.

[12] Юзвишин И.И. Указ. соч. С. 273.

[13] Юзвишин И.И. Указ. соч. С. 273.